

17 МАР 1944

Игорь БЭЛЗА

ЧАЙКОВСКИЙ и РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Новые работы академика Б. Асафьева

Новые труды академика Б. Асафьева (Игоря Глебова) посвящены преимущественно русской музыке. Среди них — близящийся к окончанию капитальный труд о Глинке, цикл статей «Через прошлое к будущему» (печатающийся в сборниках «Советская музыка») и подготовленные к печати исследование о «Евгении Онегине» и монография о Римском-Корсакове.

**1

Работа о «Евгении Онегине» носит подзаголовок «Опыт интонационного анализа».

Б. Асафьев анализирует сцену за сценой, всю оперу, раскрывая внутреннюю сущность музыки и прежде всего основу ее мелодики, рожденную всем ходом развития русской музыки и воспринятую Чайковским.

На всем протяжении работы Б. Асафьев показывает, как русскую песенно-романсную лирику с ее неизменным стремлением к психологической правдивости Чайковский претворил в своей опере, отказавшись от виртуозно-вокального стиля и заменив его углубленно-интимными формами общения с слушателем — отсюда и жанровое определение «Лирические сцены» в подзаголовке «Евгения Онегина».

Широкая «распевность», восходящая к древнейшим истокам русского народно-песенного творчества и перешедшая в романсную лирику, определила интонационный строй не только вокальной, но и инструментальной линии «Евгения Онегина» и, что важнее всего для постижения оперного симфонизма Чайковского, спитность обеих линий:

«Очень ценным свойством оркестра «Евгения Онегина» в отношении стилевого единства лирических сцен и как один из признаков русского симфонического стиля является становление подголосков, постоянно обвивающее, как плющ, основные контуры мелодии, не загромождавая их и обогащая их интонационное содержание. Близжайший пример: кларнет, договаривающий «триольным наигрышем» интонации Ленского («Что день грядущий мне готовит») и, в свою очередь, досказываемый гобоем и кадансом флейты, кларнетов и фаготов».

Так Б. Асафьев устанавливает стилистическое единство всех элементов музыки Чайковского и выясняет взаимосвязи слова, мелодии, ритма, динамики и тембра, подчеркивая, что все средства выразительности композитор применяет для достижения этого единства, для создания этически-прекрасного произведения.

Ибо музыкальная речь Чайковского — гибкое и великодушное в своей цельности средство художественного повествования о высоких чувствах, которые определяют благородство человеческой жизни.

**1

Другая работа Б. Асафьева «Николай Андреевич Римский-Корсаков», написанная к столетию со дня рождения великого композитора, также посвящена в основном эстетическим проблемам искусства.

Написанная в живой форме, монография содержит и жизнеописание художника-патриота, и очерк его

многогранной деятельности, и исследование его творчества, столь ярко и полно раскрывшего величие духа русского человека и поэтическое обаяние русской природы.

«Если Глинка в «Руслане и Людмиле» создал богатырский образ народного витязя, а Бородин в образе князя Игоря закрепил в русской музыке характер воина-вождя, носителя идеи русской государственности и защитника родной земли, то не показательно ли, что Римскому-Корсакову так тонко, так любовно удалось вызвать к жизни в русском искусстве сказочно-эпический лик мудрого старца Берендея, друга красоты», — пишет Б. Асафьев.

В этой книге, так же как и в работе о «Евгении Онегине», Б. Асафьев тщательно изучает истоки творчества композитора, устанавливая связь его музыки с русской песней, сказочным и былинным эпосом, с традициями русской классики.

И в исторических операх Римского-Корсакова и в фантастических ярко ощущается эта связь — не только в выборе сюжетов, но и в их трактовке, в приемах построения художественных образов и в насыщении их идейно-эмоциональным содержанием.

Римский-Корсаков глубоко постиг реалистическую устремленность, живую действительность русского эпоса. Отсюда его «Снегурочка» — гимн победоносному солнцу и светлостному чувству любви, отсюда «Кашей бессмертной» — грозный приговор темным силам, мешающим счастью человека, отсюда лебединая песня композитора — «Золотой петушок» с его саркастичностью, предвещающей гибель «Додонова царства».

Но сказка — только одна сторона оперного творчества композитора, который обращается и к историческим сюжетам, связанным с эпохой Грозного, и к целомудренно-чистому сказанию о граде Китеже — потрясающей эпопее русского патриотизма, и к новгородской былине о Садко — богатом госте, и к образам античности.

Творческий диапазон Римского-Корсакова огромен. Б. Асафьев детально анализирует оперные сюжеты композитора, устремлявшего пытливый взор к различным историческим эпохам и странам, но превыше всего любившего родную Русь и воспевавшего ее в своем творчестве.

В книге по-новому освещены проблемы изучения симфонизма Римского-Корсакова. Особенное внимание уделяет Б. Асафьев эстетике Римского-Корсакова, связывая ее с национальными чертами русского народного творчества в самых разнообразных областях. Распевность народных мелодий, красочность народной живописи, вышивок, резьбы — все это нашло отражение в различных элементах стиля Римского-Корсакова, в самых разнообразных жанрах, получивших развитие в творчестве композитора.